

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Разговоров С.В. Генерал-губернатор М.Н. Муравьев и конфессиональная политика Российской Империи в западных губерниях // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.2.74121 EDN: JFKJPF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74121

Генерал-губернатор М.Н. Муравьев и конфессиональная политика Российской Империи в западных губерниях

Разговоров Сергей Владимирович

ORCID: 0009-0000-6061-7035

аспирант, институт гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет

108814, Россия, г. Москва, ул. Улица Василия ощеркова, Дом 3, кв. 115

✉ sergraz98@gmail.com

[Статья из рубрики "Верования, религии, Церкви"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.2.74121

EDN:

JFKJPF

Дата направления статьи в редакцию:

16-04-2025

Аннотация: Предметом данного исследования является фигура генерал-губернатора М.Н. Муравьева-Виленского в контексте проводимой им конфессиональной политики в западных губерниях Российской Империи. Цель исследования – охарактеризовать личность М.Н. Муравьева и его политику как одного из наиболее ярких представителей политики русификации в контексте общих тенденций религиозной политики Российской Империи в 1860-е годы. Задачами исследования являются: 1) характеристика социальной картины в западных губерниях до назначения М.Н. Муравьева генерал-губернатором; 2) определение психологического и исторического портрета вышеупомянутого государственного деятеля; 3) анализ роли М.Н. Муравьева в разработке религиозных нововведений в эпоху великих реформ; 4) рассмотрение особенности политики М.Н. Муравьева на посту виленского генерал-губернатора в отношении православного населения и иноверцев. В работе был использован системный метод исследования при рассмотрении фигуры М.Н. Муравьева с разных позиций, в контексте политических и религиозных преобразований в западных губерниях и стране. Помимо этого, в работе был применен принцип историзма при анализе жизненного пути

исследовании развития кризисных ситуаций в религиозных институтах Российской Империи. В результате проведенного исследования был сделан вывод о характерности фигуры генерал-губернатора М.Н. Муравьева в контексте конфессиональной политики, проводимой Российской Империей на тот момент. В отличие от других членов правительства, стремившихся к компромиссу с иноверцами, Муравьев действовал быстро и решительно. Он считал невозможным добиться примирения с католиками, как и отказывался признавать, что православной церкви нужны какие-либо внутренние перемены. Это привело к решению социального кризиса в западных губерниях на короткий промежуток времени, но впоследствии он только усугубился, чего в полной мере не понимали ни преемники Муравьева, ни правительство Российской Империи. Новизна исследования заключается в рассмотрении фигуры М.Н. Муравьева в контексте общей конфессиональной политики Российской Империи второй половины XIX века как одного из наиболее характерных ее представителей. Материалы исследования могут быть применены в учебных пособиях и дальнейших исследованиях по конфессиональной политике Российской Империи.

Ключевые слова:

Муравьев-Виленский, Ксендзы, Шляхта, Святейший Синод, Православие, Католицизм, Духовенство, Веротерпимость, Польское восстание, Западный регион

Введение

Фигура генерал-губернатора Михаила Николаевича Муравьева-Виленского привлекала значительное внимание исследователей и публицистов еще при его жизни. Его решительная и жесткая политика, а также успехи в подавлении беспорядков, содействовали его славе защитника православия и русского населения в западных губерниях Российской Империи. Наиболее ярко данная оценка представлена в публицистическом произведении Д.А. Кропотова: «Жизнь графа М.Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно».

Поскольку политическая деятельность генерал-губернатора Муравьева была тесно переплетена с западными губерниями Российской Империи, его личность активно изучалась в польской, белорусской и литовской историографии. В зависимости от эпохи и страны, мнения о данном историческом деятеле разнились. В дореволюционной историографии, а также в среде монархистов XX века его роль в истории края рассматривалась комплементарно. В работах историка М.В. Довнар-Запольского и публициста И.Л. Солоневича он рассматривается как фигура, покончившая с унижениями католиков над православным белорусским населением.

С другой же стороны, польская историография рассматривает его фигуру с исключительно негативных сторон. За ним закрепилось прозвище: «Муравьев-вешатель». Он предстает как проводник политики полонофобии, как подавитель польской борьбы за независимость, а также насадитель чуждой культуры.

В литовской историографии оценка фигуры М.Н. Муравьева была неоднозначной. С одной стороны, подчеркивалась его неразборчивость в репрессивных мерах в отношении иноверцев. Историк И. Илгунас указывал, что в представлении населения той поры, любой католик приравнялся к полякам, отчего также страдало и литовское население. Однако, представляется, что в литовской историографии фигура М.Н. Муравьева

рассматривается более взвешенно, хотя и интерес к ней ограничен исключительно польским восстанием 1860-х годов и его последствиями. Исключение составляют работы Д. Сталюнаса, где значительное внимание уделено конфессиональной политике Российской Империи в западном крае, в том числе, при М.Н. Муравьеве.

В советской историографии фигура М.Н. Муравьева рассматривалась исключительно с негативных позиций как реакционера и охранителя монархии. Во многом, такое отношение к нему формировалось еще при жизни генерал-губернатора в социал-демократических кружках. В частности, крайне негативного мнения о нем был публицист и политический деятель А.И. Герцен. Стоит также отметить, что изучение деятельности данной исторической фигуры также было тесно сопряжено с Польским восстанием 1860-х годов. Среди исследователей данного события можно выделить Н.М. Дружинина, А.В. Поланского и А.Ф. Смирнова.

Как указывает белорусский историк А.Ю. Бендин, фигура М.Н. Муравьева и его вклад в развитие страны и края, была сильно упрощена как монархическими кругами, так и их противниками. Бендин рассматривает Муравьева с разных сторон, избегая однозначных оценок, подчеркивая живой ум политического деятеля, как и его энергичность.

Схожего подхода пытаются придерживаться и современные историки. М.Н. Муравьев рассматривается как наиболее яркий представитель консервативных кругов той поры. В работе историка А.А. Комзоловой, значительное внимание уделено его политической деятельности в контексте противостояния с умеренными и либеральными кругами русского правительства, в частности, с министром внутренних дел, П.А. Валуевым.

Что примечательно, несмотря на то, что в комплементарных исторических работах об М.Н. Муравьеве, он предстает как защитник православия, исследователи зачастую акцентируют большее внимание на его экономических и социальных преобразованиях в Виленском генерал-губернаторстве, нежели религиозных. Среди подобных мероприятий можно перечислить репрессии против польской шляхты, лишение ее земельных наделов, а также проведение политики русификации, где конфессиональная политика рассматривается лишь как составляющий элемент.

Конфессиональный аспект его деятельности рассматривает историк С.В. Римский. Его работа «Российская церковь в эпоху великих реформ» посвящена не столько конкретной исторической персоне, сколько конфессиональной политике царского правительства в целом. При этом фигура М.Н. Муравьева не подвергается значительному анализу, в отличие от его политического оппонента, П.А. Валуева. Однако проведенное историком исследование предоставляет исчерпывающую информацию о вкладе виленского генерал-губернатора в курс конфессиональной политики Российской Империи.

Также примечательна статья С.В. Ананьева, конкретно посвященная конфессиональной политике Муравьева. В ней перечислены как его основные мероприятия на посту генерал-губернатора в данной сфере, так и прочие проекты по регулированию ситуации в западном крае. Однако религиозная проблема в статье рассматривается несколько в отрыве от прочих факторов,

В данной работе предпринята попытка рассмотреть конфессиональную политику генерал-губернатора Муравьева в контексте общих преобразований в конфессиональной политике Российской Империи на тот момент. В качестве методологии в статье применен цивилизационный подход. Поскольку политическая деятельность М.Н. Муравьева была неотделима от столкновения разных культур, данный подход позволяет вычленить свойственные им особенности, какое влияние они имели в западном регионе Российской

Империи, и как они повлияли на решения и деятельность самого Муравьева.

В работе были использованы источники следующих типов: личные (например, дневники П.А. Валуева и Д.И. Милютина), публицистические («Жизнь графа М.Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно»), делопроизводственные и прочие. Также немаловажный интерес представляют архивные источники, в частности, донесение М.Н. Муравьева Александру II, где он обосновывает задуманный им комплекс реформ в западном крае после Польского восстания.

Исследование

В любом государстве существует скрепляющий стержень, обрамляющий не только ее культурное поле, но и курс развития. Для Российской Империи таковым элементом служила православная церковь. Она не только провозглашала главенствующую роль императора, на основе ее ценностей и морали выстраивались отношения и устройство самого общества.

Особенно заметно это было на примере иноверцев. Несмотря на то, что правительство Российской Империи придерживалось принципа веротерпимости, определенные ограничения для них существовали. Среди прочего к ним относилось продвижение по военной и гражданской службе, а также на заключение брака с православными. Длительное время это не вызывало сильных конфликтов в обществе.

Однако к середине XIX века с зарождением националистических движений, в некоторых регионах конфликтов было не избежать. Одной из наиболее проблемных территорий империи были западные губернии, где традиционно были представлены приверженцы иных течений христианства, в частности, католики, униаты и протестанты.

На конфликты между этими конфессиями накладывалась длительная история вражды, а с учетом значимости религии в социальной жизни Российской Империи, зачастую межэтнические конфликты становились и межрелигиозными, равно, как и восстания приобретали характер борьбы за веру. Особенно ярко это проявилось в ходе Польского восстания начала 1860-х годов, в которое активно вмешивалось католическое духовенство. Ксендзы агитировали католиков присоединиться к восставшим, а монастыри оказывали как материальную поддержку, так и предоставляли убежище для бунтовщиков [\[1, с. 8\]](#).

Провокации со стороны католического духовенства были известны в правительстве, особое внимание им было уделено в ходе расследования неудавшегося восстания. Многие представители иноверного духовенства были осуждены, однако это не могло исправить ситуацию, лишь закупорить. Потому в правительстве начали активно обсуждаться меры по обеспечению спокойствия в регионе, в том числе в религиозной сфере.

В ходе обсуждения, проводимого Западным комитетом, возобладало два подхода. Первый продвигал министр внутренних дел, Петр Александрович Валуев, стоявший на позициях веротерпимости. В своих дневниках он неоднократно утверждал, что добиться мира можно лишь путем взаимного уважения, но не физического принуждения [\[5, 126\]](#). Такие же мысли он высказывал в своей докладной записке Александру II, на которой даже стояла резолюция императора [\[9\]](#). Это косвенно подтверждает, что на первых порах правительство было настроено ограничиться лишь частичными репрессиями.

Однако существовало и другое направление, возобладавшее впоследствии. Ее наиболее

ярким представителем был виленский генерал-губернатор, Михаил Николаевич Муравьев. Он неоднократно заявлял о необходимости пресечения любого вольнодумства иноверцев в зародыше, а причину возникновения конфликтов в обществе видел в непримиримой вражде между православными и западными ветвями христианства, чего невозможно было изменить.

Позиция М.Н. Муравьева формировалась на основе его длинной жизни и карьеры. Происходя из древнего рода, в юности он оказался замешан в деятельности декабристского движения. Как указывал впоследствии брат будущего генерал-губернатора, об итоговых планах тайных обществ им было ничего не известно [\[14, с. 6\]](#). В ходе проведенного расследования он был оправдан, однако его военная карьера получила затруднения. Чтобы очистить свое имя, Муравьев проявил активную деятельность на военной службе, в частности, в западном регионе, участвуя в подавлении польского восстания при Николае I.

Уже тогда, согласно его собственным воспоминаниям, он был обескуражен засилием польского дворянства в управлении краем. Православное население находилось на униженном положении. Католические аристократы активно агитировали крестьян к переходу в иную веру, как и провоцировали погромы православных храмов [\[11, с. 149\]](#). Посильную помощь в агитации к беспорядкам оказывало и духовенство. В дальнейшем ситуация только усугублялась, что и привело к новому восстанию, уже в 1860-х годах, где Муравьев также принял активное участие.

Отлично проявив себя в подавлении восстания и имея длительный опыт службы в данном регионе, Муравьев оказался вовлечен в составление проектов по будущей судьбе западных губерний. Он поставил перед собой цель добиться усиления в крае позиций православной церкви, считая, что все ее проблемы проистекают из длительных нападков со стороны иноверцев и запада, в частности.

Однако кризис был куда более глубоким, и в большей степени внутренним. Наиболее явственно он проявился к середине XIX века, когда эту проблему начали активно обсуждать публицисты, как из числа духовенства, так и светские лица. Среди прочего указывалось на обветшалое состояние церковных зданий и неудовлетворительный моральный облик самих священников. В 1850-е годы особое внимание привлекла работа священника Иоанна Беллюстина, подвергшего критике положение сельского духовенства. Также значительное внимание уделяется неудовлетворительному уровню духовного образования, заточенного скорее на зубрежку ненужных предметов, нежели на изучение священного писания [\[2, с. 21\]](#). Сам М.Н. Муравьев называл книгу провокацией и ложью, однако она произвела сильное впечатление на императора Александра II. В разработке будущих церковных реформ он повелел ориентироваться именно на эту работу [\[17, с. 18\]](#). Высказывалось мнение, что православие не сможет ответить на вызовы времени без достижения сплоченности, свойственной как раз католичеству [\[3, с. 421\]](#).

Если П.А. Валуев видел решение проблемы в повышении авторитета православной церкви, в сосуществовании и качественных изменениях внутри самих духовных институтов, то Н.М. Муравьев считал достаточным лишь увеличение финансирования церковей, не считая, что кризис духовенства проистекает изнутри. В своей докладной записке Александру II он указывает, что меры по увеличению финансирования следует принять в кратчайшие сроки при их исключительной важности не только в политическом, но и моральном плане [\[10, с. 53\]](#). Стоя на консервативных позициях будучи

государственником, он считал, что православную церковь не следует изменять, ибо она и являлась тем цементирующим элементом, обеспечивающим стабильность в обществе.

Противостояние Муравьева с либеральным крылом российского правительства происходило в несколько этапов, и во многом его победа была обусловлена инертностью министров умеренных взглядов. Во-первых, между ними не существовало единого мнения о способах достижения мирного сосуществования православных с иноверцами. Как указывал Д.А. Милютин, на собраниях Западного комитета происходила бесполезная болтовня. По его же мнению, один из наиболее ярких представителей умеренных реформаторов, П.А. Валуев, привык мыслить пространно, не предлагая никаких реальных мер по решению поставленных вопросов [\[16, с. 407\]](#).

Поначалу между реформаторами и консерваторами не было явного противостояния. Еще во время активной фазы Польского восстания начала 1860-х годов, либерально настроенные министры поддерживали многие репрессивные предложения Муравьева, призванные стабилизировать экономическое положение в регионе.

Однако, с ходом времени взаимное недовольство членов правительства только нарастало. Пользуясь разобщенностью своих оппонентов, как и их нерешительностью, Муравьев перестал с ними считаться, решив пойти на решительные меры, подав записку императору. Исходя из информации, представленной в автобиографии генерал-губернатора, можно сделать вывод, что фактически он поставил перед Александром II ультиматум [\[15, с. 136\]](#). Поскольку министры из Западного комитета мешали его работе, он просил, чтобы ему дали проводить такую политику, которую он считает целесообразной, в противном случае прося об отставке.

Поскольку император наверняка и сам понимал, насколько бесплодной была работа прочих министров Западного комитета, он дал свое согласие. Александру II в принципе было свойственно метаться между либеральным и консервативным направлением политики, в зависимости от возникающих кризисов. Изначально согласный с точкой зрения П.А. Валуева на возможность мирного сосуществования в западных губерниях, он так же легко согласился на проведение жестких карательных мер против восставших. Забегая вперед, можно вспомнить факт, что император планировал сбавить репрессии в сторону шляхты, однако покушение Д.И. Каракозова поставило на этом крест [\[13, с. 199\]](#). Вопросы конфессиональной политики, по всей видимости, волновали императора в утилитарном плане. Соглашаясь с наличием кризиса внутри православной церкви, он видел в самом институте лишь инструмент давления, проблемы и работу которого следовало исправить. Проявлялось это, опять же, в непоследовательности политики императора, как и его слабой вовлеченности в разработку церковных реформ. Пока умеренное крыло во главе с Валуевым предлагало пространные идеи, Муравьев предпринимал конкретные и скорые действия, которые были выгоднее с утилитарной точки зрения.

Тем самым, граф Муравьев-Виленский мог приводить свои задумки в жизнь, не оглядываясь на мнение несогласных. Парадоксально именно то, что сформированный Западный комитет был как раз задуман министром внутренних дел для снижения власти генерал-губернаторов и претворения в жизнь собственных замыслов. Однако напористость Муравьева и недостаток союзников самого Валуева во многом определили дальнейший путь конфессиональной политики в регионе.

В первую очередь правительство решило принять меры по эффективному контролю за священнослужителями-иноверцами, особое внимание уделялось католикам. Проводились

расследования их деятельности, впоследствии чего делался вывод о благонадежности того или иного священнослужителя. Более того, теперь также контролировался и порядок проведения служб. Если ранее Российская Империя никак не вмешивалась в обрядовую составляющую других конфессий, то теперь ситуация кардинально переменялась. Поначалу меры были косметические, но впоследствии в ходе служб предписывалось в первую очередь славить императора, в то время как любая связь с Ватиканом прерывалась.

Связано это было также и с разрывом дипломатических контактов с Римским Престолом. Отношения сами по себе были натянутые, с учетом частых прокламаций папы Пия IX с призывом к объединению всех христиан под его властью. Впоследствии же, когда Ватикан решительно осудил меры по подавлению Польского восстания, правительство и М.Н. Муравьев в частности опасались провокаций со стороны иностранцев. С этой же целью в Санкт-Петербурге был сформирован специальный комитет, призванный контролировать дела католической церкви внутри страны по схожему принципу работы, что и в Священном Синоде.

Опасения провокаций были не беспочвенны. Впоследствии, согласно донесениям, католики готовили «железный банк», предназначавшийся для сбора средств к подготовке новых волнений и восстаний. Согласно запискам, передаваемым императору, ксендзы все так же активно высказывались о ненависти к русскому и православному населению [\[17, с. 175\]](#). Примечательно, что первый казненный Муравьевым человеком как раз был католическим священником, открыто в храме зачитывавшим революционный манифест. С учетом того, что казнь происходила в базарный день при большом стечении народа, Муравьев явно стремился придать данному событию как можно большую огласку для демонстрационного устрашения [\[13, с. 70\]](#). В регионе нарастала полонофобия, носившая не столько этническую неприязнь, сколько религиозную. При нем из правительства региона увольнялись чиновники католического вероисповедания, их заведомо причисляли к полякам вне зависимости от реальной этнической принадлежности [\[13, с. 50\]](#). Сам Н.М. Муравьев заявлял, что территории, которые иноверцы считали своими исконными, на деле никогда им не принадлежали, а потому имперское правительство имеет полное право устраивать здесь собственные порядки, возвеличивая роль православной церкви.

Также проводились репрессивные меры в отношении тех, кто напрямую был вовлечен в восстание. Так, оказались закрыты многие монастыри, предоставлявшие помещения для мятежников, а впоследствии укрывавшие их от преследования. Оставшиеся же переводились под прямое управление из Петербурга, таким образом также переходя под светское управление, как и в случае с православной церковью [\[4, с. 30\]](#).

Конфессиональная политика Александра II в принципе походила на попытку унификации церквей. Если делами православия заведовал светский институт, соответственно, и иноверцы также должны были быть подотчетны таким же структурам. Это значительно упрощало управление ими, как и пресекало возможность повторного восстания. Более того, в середине 1860-х годов разрабатывался проект, призванный объединить обе церкви, однако он так и остался не завершенным. Его создатели не были уверены в искренности католиков в их желании принять православные ценности [\[12, с. 12\]](#).

Постепенно оказывались запрещены католические крестные ходы, впоследствии правительство также начало контролировать сферу духовного образования [\[7, с. 415\]](#). Выстраивались препятствия для поступления католиков в соответствующие семинарии и

академии. Ввиду этого приток новых католических священников заметно снизился, что опять же было на руку М.Н. Муравьеву, пытавшегося снизить присутствие католического влияния до минимума. Примером тому служила и перестройка католических костелов под православные храмы. Муравьев стремился к постепенной русификации вверенного ему края, но предпочитал действовать не резко, постепенно пресекая пропаганду со стороны католиков.

Муравьев руководствовался далеко не узколобыми представлениями о порядке через насилие. Как уже говорилось, карьера генерал-губернатора была сопряжена с неоднократными усмирениями народных волнений, в том числе и польских. Он как никто другой мог убедиться в идее, что обеспечить мирное сосуществование между двумя противоборствующими культурами и религиями было невозможно. И являясь по своей сути государственным и ярым патриотом, он, разумеется, вставал на позиции обеспечения безопасности в государстве любой ценой.

Правительство Муравьева не преследовало прочие конфессии, если они не угрожали стабильности и порядку в Виленском генерал-губернаторстве. Он был сосредоточен преимущественно на удалении польского элемента в управлении краем, в том числе и религиозного. Иудеи и протестанты не были столь активны в пропаганде своих идей и ценностей. К тому же последовавшие уже после отставки Муравьева конфликты на религиозной почве во многом были обусловлены не религиозной нетерпимостью, но вопросами бытовыми. В то же самое время противостояние с католиками носило отпечатки религиозной вражды и даже войны.

Он искренне был уверен в эффективности своих решений, поскольку они приносили ощутимый результат. Даже его ярый оппонент Валуев признавал «гнусность» поведения поляков, как и эффективность силовых методов генерал-губернатора. Однако при этом же он высказывался о нерешенности вопросов конфессиональной стабильности в регионе. Как указывал Валуев, на стороне католиков были идеи, на стороне православия их не было [\[5, с. 258\]](#). Несмотря на то, что радикальные решения Муравьева вызвали критику от лица сторонников диалога с иноверцами и поляками в частности, казалось, что позиции генерал-губернатора на фоне этого только укреплялись. Выходило несколько публикаций, где он представал защитником веры. Более того, после его отставки, тенденция на русификацию региона, в том числе и в религиозной сфере, только продолжилась и усилилась.

Заключение

Благодаря своим решительным и жестким действиям, М.Н. Муравьев заслужил противоречивую репутацию. Некоторые источники рисуют его как защитника православной веры, другие – как прямолинейного солдафона, привыкшего решать сложные проблемы силой. И тем не менее, ему действительно удалось на какое-то время стабилизировать положение во вверенном ему регионе, проведя карательные меры против мятежников и активно способствуя увеличению авторитета православной веры в регионе.

Однако, уже после его смерти наметились и новые проблемы. Решительные и жесткие действия способны принести плоды на короткое время, однако правительство никак не собиралось развивать ситуацию, исправлять корневые проблемы. Авторитет православной церкви не мог повыситься с постройкой новых храмов и принижением положения католиков, при неудовлетворительном уровне духовного образования и общей закрытости православного духовенства, его инертностью и невозможностью выйти

из-под контроля светской власти.

В отличие от своих оппонентов, Муравьев, хоть и видел некоторые проблемы, связанные с состоянием православной церкви, он не считал их корневыми, что их можно решить исключительно вливанием новых средств или же показательными мероприятиями. Так, например, он повелел бесплатно раздать около 300 тысяч православных крестиков в местных приходах, что было встречено восторгом среди местной паствы. Однако, данный ход, хоть и был встречен позитивно и имел определенный общественный резонанс, все же не возымел никаких долгоиграющих последствий. Муравьев был склонен к жестким, но поверхностным мерам, способным повлиять на ситуацию в краткосрочной перспективе, но упускал корневые детали проблемы. Его политические оппоненты также не понимали глубину кризиса российской православной церкви, а потому также не могли повлиять на ситуацию.

Его личность является отличной демонстрацией нерешительности и непоследовательности общей конфессиональной политики Александра II. Сторонники мирного сосуществования с иноверцами не могли выработать конкретный инструментальный по осуществлению своих проектов, и в итоге их меры оказывались половинчатыми. Сторонники репрессивных мер могли преодолеть пик кризиса, но не могли развить свой успех. В это же время император Александр II старался оставаться посередине, лавируя между двумя точками зрения.

Разумеется, это расходилось с линией веротерпимости в Российской Империи, складывалось ощущение, что Муравьев пытался заретушировать кризис православной церкви исключительно путем унижения другой веры, но он не был религиозным деятелем, а в первую очередь человеком государственным и военным, предпочитавшим жесткие, но эффективные меры. Более того, его политика была обусловлена ответными мерами на те же самые унижения, к которым ранее прибегали католики в отношении православного населения. И стабилизацию положения он видел в усилении здесь аппарата власти, как и расширение культурного присутствия русских, в частности, через православную церковь.

Вопрос заключался лишь в том, что обеспечение сиюминутного порядка в регионе и видимое решение религиозных конфликтов не способствовало стабилизации ситуации после смерти Муравьева. Его преемники пытались действовать схожими методами, но им не хватало гибкости. Там, где их предшественник искренне радел за положение церкви и хотел расширить присутствие русского элемента в западных губерниях, они видели в церкви лишь репрессивный инструмент, направленный против польского дворянства.

На фоне этого только сильнее углублялся кризис внутри православной церкви. Многие разочарованные попросту отрекались от веры и пытались найти успокоение и справедливость в чем-то еще. Некоторых это приводило в революционные кружки. Как например, это произошло с народником А.К. Соловьевым, осуществившим покушение на жизнь царя. Прочие же подданные либо продолжали цепляться за церковь, либо же ударялись в мистику. Уже после смерти Муравьева, да и Александра II, значительное распространение и популярность получили секты, харизматические духовные деятели вроде старцев. Также определенную популярность заимели мистические течения. И в то же самое время церковь не могла отвечать на запросы времени, поскольку оставалась глубоко ограничена в своей деятельности. И половинчатые мероприятия таких политиков как Муравьев, хоть и способствовали успокоению ситуации на короткий промежуток времени, но не могли исправить ситуацию в корне, равно как не могли проекты его политических противников.

М.Н. Муравьев был человеком своего времени и своего рода деятельности. Ему удалось решить поставленные перед ним задачи, однако решения эти базировались на зыбком фундаменте. Его решения во многом были жесткими и неразборчивыми. Так под католиками и поляками он понимал всех иноверцев в принципе, чем только настраивал против себя часть населения, ранее придерживавшегося нейтральной позиции. Не решения Муравьева усугубили кризис православной церкви. Этот исторический деятель был вполне характерным явлением своей эпохи, хоть и крайне ярким. Вина в большей степени лежала на министрах, пустивших ситуацию на самотек, не пытавшихся преодолеть кризис после смерти этого, безусловно, выдающегося государственного деятеля. При том, что сам Муравьев искренне хотел изменить ситуацию и предпринял для этого живейшее участие. Фигура М.Н. Муравьева была куда более многогранной и сложной нежели эпитеты, которые он получил за свою жизнь: «вешатель», «реакционер», «защитник веры». Однако эпоха, что последовала с его смертью уже была лишена той многогранности и продолжала тенденции, что были эффективны лишь в кризисное время. Косвенно о приходе новых времен говорит цитата из дневника его политического оппонента, П.А. Валуева: «Сегодня закладка часовни, завтра похороны Муравьева, послезавтра казнь Каракозова... есть что-то как бы надломанное в нынешнем строе России и во всем, что ежедневно у меня перед глазами» [\[6, с. 147\]](#).

Библиография

1. Ананьев С. В. Конфессиональная политика российского правительства в Северо-Западном крае в 1863-1865 гг. и ее вклад в обеспечение общественной безопасности в регионе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2023. № 4. С. 5-14. DOI: 10.21685/2072-3024-2023-4-1 EDN: NAZJEU.
2. Беллюстин И. С. Описание сельского духовенства. Русский заграничный сборник. Берлин, Париж, Лондон, 1858. 168 с.
3. Бердников И. С. Церковные братства в виду современных потребностей Православной Церкви и общества // Православное обозрение. М.: В Университетской типографии, 1868. Т. 25. С. 410-433.
4. Билунов Д. Б. Правительственная политика России в отношении римско-католической церкви (60-е гг. XIX в.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1996. № 4. С. 19-43.
5. Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1. 1861-1864 гг. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961. 425 с.
6. Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. 1865-1876 гг. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961. 592 с.
7. Ганчар А. И. Римско-католическая церковь в Беларуси (вт. пол. XIX-начало XX вв.). Гродно.: ГГАУ, 2010. 512 с. EDN: QVVAAL.
8. ГАРФ. Ф. 678 Оп. 1 Д. 664.
9. ГАРФ. Ф. 678 Оп. 1 Д. 1133.
10. ГАРФ. Ф. 811 Оп. 1 Д. 48.
11. Долбилов М. Д. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага / Сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. 334 с.
12. Долбилов М. Д., Сталюнас Д. "Обратная уния": Проект присоединения католиков к православной церкви в Российской империи (1865-1866 гг.) // Славяноведение. 2005. № 5. С. 3-34. EDN: OOXNYV.
13. Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. 383 с. EDN: QOZMUR.
14. Кропотов Д. А. Жизнь графа М. Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до

- назначения его губернатором в Гродно. СПб: тип. В. Безобразова и К°, 1874. 550 с.
15. Милютин Д. А. Воспоминания (1868-1873). М.: ТРИТЭ, 2006. 740 с.
16. Муравьев М. Н. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1864 и 1865 гг. // Русская Старина, 1883. С. 131-166.
17. Римский С. В. Российская Церковь в эпоху великих реформ. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. 567 с.
18. Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. (2-е изд., исп. и доп.). СПб: Издательство СПб университета, 2008. 368 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена анализу конфессиональной политики генерал-губернатора Михаила Николаевича Муравьева-Вилenskого в западных губерниях Российской Империи в контексте подавления Польского восстания 1860-х годов. Автор фокусируется на роли Муравьева как проводника русификации, его мерах по ограничению влияния католической церкви, а также на противостоянии с либеральными кругами российского правительства. Особое внимание уделено взаимодействию религиозного, этнического и политического факторов в формировании имперской стратегии.

В основе работы лежит цивилизационный подход, позволяющий рассмотреть конфликт православия и католичества как столкновение двух культурно-религиозных систем. Автор успешно применяет его для анализа репрессивных мер, русификации и попыток унификации конфессионального пространства. Однако методология могла бы быть усилена за счет включения компаративного анализа с другими регионами империи или привлечения гендерного/социального подходов для более глубокого понимания последствий политики Муравьева.

Тема сохраняет научную и общественную значимость в свете современных дискуссий о межконфессиональных конфликтах, имперской интеграции и национализме. Изучение исторического опыта Российской Империи в управлении полиэтническими территориями помогает лучше понять механизмы взаимодействия власти, религии и общества. Статья также вносит вклад в осмысление роли личности в истории.

Новизна работы заключается в комплексном рассмотрении конфессиональной политики Муравьева не как изолированного явления, а в связи с общеимперскими реформами и внутривластной борьбой. Автор активно привлекает ранее малоизученные архивные материалы, включая донесения Муравьева Александру II. Кроме того, статья вносит коррективы в односторонние оценки Муравьева, демонстрируя его как многогранного деятеля, сочетавшего репрессии с попытками стабилизации региона.

Статья обладает четкой структурой. Стиль соответствует академическим стандартам. Список литературы обширен и включает как классические работы, так и современные исследования (А.А. Комзолова, Д. Сталюнас). Использование архивных материалов (ГАРФ) добавляет источниковой ценности. Однако недостает ссылок на зарубежную историографию, особенно польскую и литовскую, что ограничивает глубину сравнительного анализа.

Автор демонстрирует осведомленность о различных оценках Муравьева в российской, польской и литовской историографии, что позволяет избежать упрощений. Критика советского подхода, трактовавшего Муравьева исключительно как «реакционера»,

убедительна. Тем не менее, слабее представлены контраргументы сторонников веротерпимости: например, не рассмотрены альтернативные проекты либералов, которые могли бы смягчить конфликт.

К достоинствам статьи можно отнести глубокий анализ источников — активное использование архивных и личных документов позволяет реконструировать мотивы и стратегии ключевых фигур, а также комплексный подход — конфессиональная политика рассмотрена в связи с социальными, политическими и культурными процессами, что исключает однобокость. Важно подчеркнуть, что автор избегает как апологетики, так и демонизации Муравьева, подчеркивая противоречивость его наследия. Необходимо также отметить, что недостаточно учитывается социально-экономический контекст эпохи — например, влияние земельных реформ на религиозные конфликты упомянуто лишь вскользь. Также заметна некоторая ограниченность сравнительной перспективы — отсутствие параллелей с конфессиональной политикой в других регионах (Кавказ, Поволжье) сужает выводы.

Основной вывод статьи — о том, что политика Муравьева обеспечила временную стабилизацию, но не решила системных проблем православия и усугубила межконфессиональную напряженность — убедителен и подтверждён источниками. Особенно ценно указание на «зыбкий фундамент» его решений, основанных на репрессиях, а не диалоге.

Статья будет востребована историками, занимающимися имперской политикой, религиозными конфликтами и национальными движениями. Она также представляет интерес для политологов, исследующих методы управления в полиэтнических обществах.

Статья «Генерал-губернатор М.Н. Муравьев и конфессиональная политика Российской Империи в западных губерниях» вносит вклад в изучение конфессиональной политики Российской Империи, предлагая взвешенный взгляд на весьма противоречивую фигуру М.Н. Муравьева. Несмотря на отдельные недочеты, работа демонстрирует глубокое понимание темы и умение работать с разнообразными источниками. После доработки она станет важным элементом в дискуссиях о роли религии в имперском управлении и наследии колониальных практик. Статья соответствует академическим нормам и заслуживает публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».